Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Я позволил им это сделать со своей женой и просто смотрел...

Мужики у каждой семьи есть скелет в шкафу. Расскажу о нашем.

Всё наше семейство собралось на долгожданный отдых. Конечно, экономили. Поехали на поезде. Путь был трое суток. Ехали мы в два этапа из-за наших работ и сроков отпусков. Первыми неделю назад уехали мои родители с нашими двумя детьми, а второй партией и мы с женой подбирались по рельсам. Без детей было удобнее, можно было отдыхать и не думать об их удобстве. Мы с женой ровесники — нам по трицатнику, взрослые, но всегда занятые, то детьми, то работой, а так... Одним словом, мы выпивали и не о чём не думали. Она у меня мало пьёт, я тоже, но первые сутки мы хорошо оторвались по этому делу.

В этот месяц на Юга мало кто ехал отдыхать. Оно и понятно в такую холодину. Только мне водителю автобуса и моей жене Ирочке — продавщице выбирать время на отпуск не приходиться. Это не для нас. А тут всё совпало, чтобы мы вдвоём с моими стариками развеялись. Хорошо, что в два этапа — думал я, что можно пока отдохнуть в поезде с женой без всяких родственников и детей.

В нашем купе были только мы одни. Мы пивко потягивали и в окно смотрели. Я ещё за Иркой посматривал. Она у меня, как говориться, всё при ней. Личико аккуратное, макияж — глаза подведены, губки накрашены, причёска — прямой пробор длинных крашенных в светлый волос. Фигурка — пухленькая попка, обозначенный животик, ножки в коричневых чулочках и блузка пуговицами трещит на груди. Когда-то из-за этой её большущей бабской прелести я и женился на ней, когда мы ещё студентами были. Она тогда была чуть стройнее, но это понятно — двоих родить пришлось. Но так, если честно признаться, красивей я бабу не встречал в жизни её лет. Есть актрисы в кино, модели, но там же пластика всякая и губы надувают, в грудь гадость всякую суют, а тут всё настоящее, мягкое, природное. И денег у нас не так много (хорошо, что ещё она у меня калымить умеет у себя на работе), на всякие залы, а она — красавица. Это доказывает, что настоящую бабскую прелесть не купить и не испортить годами.

Но больше всего мне в моей жене нравилась её преданность. Она мне ни разу не изменяла. Я уверен. Откуда я это знаю? Любой мужик знает наверняка, если проживёт в браке больше десяти лет. Сто процентов — знает, только может быть виду не подаёт или себе или ей, что знает о леваках. Вот и я знаю, что она у меня верная. Красивая, с большой грудью, хорошо готовит, неплохо зарабатывает и верная. Как в сказке, но, правда.

За окном начало темнеть. Мы закрыли занавески и тупо слушали радио. Моя жена Сердючке подпевала, как в дверь постучали и сразу вломился один мужик с лысой блестящей головой. Он был навеселе, но не пьяным.

— Оба-на, тоже скучаете? — спросил он и не успели мы ответить, как вместе с ним в наше купе зашёл ещё один мужик. Этот тоже был выпивший и бритый, но с усами.

Мы с женой сидели по разные стороны стола и эти двое зажали нас у стенок. Один возле неё, другой около меня. Они представились: Макар с усами и Вано без усов. Лет им было больше наших, под пятьдесят. Седина выдавала то тут, то там. Один мужик сразу оказался общительнее, компанейский такой, всё анекдоты травил, из кармана водочки достал. Второй улыбался и много ел. Они вообще оба много ели. Закусывали нашим. Всё время хвалили мою жену, что так вкусно готовит пирожки, курицу, салатики. Водка кончилась быстро. Эти два

мужика были здоровыми толстыми, им нужно пить и пить, чтобы опьянеть, а меня сморило. Но я сидел и слушал уже сотый анекдот от этого мужика. Все они были пошлыми, про неверных баб и мужей, которых дурачат. Я смеялся из вежливости, но мне было противно слушать это. Я видел, что у них нет обручальных колец и для них слова — семья, жена, муж ничего не стоили. А я наоборот верил в это, любил свою жену и семью. Я даже зарплату всю жене отдавал, только на пиво оставлял.

— Слушай, что так сидеть? Рубанёмся? — спросил мужик, который всё больше не сводил глаз с моей жены. Особенно на её грудь пялился. Она прикрывала руками, под подбородок себе ставила голову опереть — я её хорошо знаю, это ей значит неприятно. Но так он не приставал, я и молчал. Ещё, конечно, я их побаивался. Они мужики крупные. У одного на пальце перстень синий выколот — может сидел? Я-то тощий всегда был. В детстве только футбол гонял, а потом работа всё время за баранкой, когда тут жиреть?

— В карты? — спросила моя жена.

— В них, родимая, — согласился мужик.

— На раздевание! — с азартом подмигнул второй.

— Бросьте, ну вас, — застеснялась моя жена и рукой махнула.

— Муж, не против с нами сыграть на раздевание? — спросил у меня один из мужиков. Он говорил с не проходящим азартом, глядя на мою жену.

— Нет, мужики. Я не умею, — сказал я. Я должен был сказать — против, но боялся их вида. Думал, что лучше тихо перевести тему.

— Тогда мы с твоей жёнушкой перекинемся?

— Я не буду, — не захотела она, как я и рассчитывал.

Эти два мужика замолчали, один другому на ухо кинул пару фраз. С усами легко согласился и предложил сыграть, но не на раздевание (Хозяйка, мы, что не понимаем, что ли?), а на деньги перекинуться. Ставка смешная на бутылку пивасика. Не много, а приятно. Это мою жену заинтересовало. Привычка у неё такая по работе — накинуть грамм другой, сдачи меньше дать...

Короче отодвинула моя жена в угол все объедки, газету жирную, кости и начала принимать карты. Тот мужик всем раздал, и начали играть. Я втянулся. Выиграл сразу кон на шесть бутылок пива. Рублики захрустели на столе, азарт ударил в голову. Вижу и моей жене понравилось, когда у меня стопочка денег больше стала. Она такая смотрит на меня и серьёзно говорит, но улыбается для приличия:

— Вась, на всё не играй. Убери половину в карман.

Я хотел, но один из мужиков подначал и я всё поставил. Сумма вышла большая. И тут все эти деньги к моей жене перешли. Вот она обрадовалась! Она их сразу сгребла, ровно сложила, потом пополам и одну пуговку расстегнула на блузке и в чашечку лифчика сунула. Эти мужики голодными глазами на неё, там заметили длинную ложбинку это точно.

— Нехорошо из игры уходить. Нужно ещё играть. Дать отыграться нужно, — сказал мужик.

Моя жена помялась и согласилась, но деньги оставила у себя, а попросила мне мелочишку достать и разделить меж нами. У этих мужиков денег было много в кошельке. Я спросил, не боятся они так продуть, а они сказали, что шахтёры ничего не боятся. Короче мы играли ещё, но мне карта не шла. И моей жене не удавалось припрятать себе — только деньги появлялись, тут же уходили к одному из мужиков. Кон набирался и таял, а потом переходил между ними. Через час я устал. Выпил больше обычного, закусывал мало и сморило в осадок. А жена

только разошлась. Я сказал, что выхожу из игры. Мужики небыли против, только моя жена когда увидела, что я мучаюсь и хочу лечь, попросила взглядом не спать. Я понял это и просто упёрся головой об стенку. Тут мужик рядом (Вано, что ли?) подхватил меня, заставил встать и начал подталкивать залезать на верхнюю полку. Жена что-то говорила, я тоже пытался сопротивляться, но он был сильный и легко затолкал меня лечь наверх.

— Лежи там, не съедим мы твою жёнушку! — засмеялся мужик и сел на моё место напротив неё.

Лёжа мне было удобнее, и я вообще раскис по пьяни. Не спал, а просто валялся головой на подушке. Отсюда сверху я видел часть груди своей жены, где не были застёгнуты четыре пуговицы на блузке. Она туда часто лазила, то положить денег, то достать. Мы раньше с ней не играли на деньги, и тут азарт новичка её поглотил. Это ясно.

— Ирка, все деньги не потрать, — слабо сказал я.

— Не бойся, тут я могу на новые сапожки выиграть, — занято оправдалась она.

Она не видела, как на неё пялятся эти два мужика, забывая смотреть в карты. Мне было так противно, больше чем во всей жизни. Меня это бесило, что два незнакомых мужика нагло рассматривают мою жену, раздевая глазами. Но я не мог соскочить и вышвырнуть их из нашего купе. Они такие большие, сволочи. Оставалось лежать и следить. А что я мог? Я только кряхтел и кашлял, чтобы они не забывали, что я тут, что я её законный муж, а они здесь гости! Игра шла ещё может полчаса, вдруг один мужик сбрасывает карты и говорит второму, что смысла нет — эта бабёнка шулер. Он задевает их локтем и рассыпает вниз. И сам туда ныряет под стол. А моя жена радостная такая, смотрит на меня и говорит:

— Вась, ещё тыщёнку добавим и у меня будут такие сапоги — бабы на работе обзавидуются!

Вдруг громко говорит — Ой! Я вижу, как мужик под столом её за ноги схватил и держит, а второй лапу ей в расстегнутую блузку и шарит там пальцами, пока не вогнал под самую грудь и крепко не зажал.

— Вы что, мужики? — спросил я. Я хотел встать, но он посмотрел на меня красной возбуждённой злой мордой и рявкнул:

— Лежи там, сука меланхольная, а то морду набью.

Я там и остался. Было страшно. Я же пьяный, а они большие гады, может сидели...

— Уберите руки, — попросила моя жена.

Испугавшись, она смотрела на меня и пыталась вытащить граблю этого мужика из своей блузки, но её ручонки не могли с ней справиться. А он её лапал там, мял её как хотел. Второй из под стола гаркнул:

— Не целка, не порвём, так поиграем.

— Она моя жена, — сказал я, но не угрожал и не вставал.

Этот лысый в наглом смехе посоветовал:

— Тогда сделай радио громче, если не хочешь, чтобы все в поезде услышали, как мы твою жёнушку сейчас распишем. И сам в тряпочку молчи.

Я дрожал от страха и ревности. Мне было противно видеть, как руки какого-то потного толстого мужика разрывают блузку моей жены и потом начинают вываливать её (моё любимое сокровище) мягкую грудь.

— Нихуя себе, вот это вымя, — заблестел глазами этот мужик, когда вся грудь моей жены выпала наружу и повисла двумя мягкими полупустыми шарами.

Она сопротивлялась, но её ноги крепко держал внизу, а второй ударил ей пощёчину. Он

сильно ударил и я увидел, как у моей жены выступили слёзы. Но она не плакала. Она быстро посмотрела на меня и просила помочь:

— Вася, ой, помоги, они хотят меня изнасиловать...

Я опять хотел встать, но... не встал. Я лежал и трясся телом. Я, может быть, плакал, но не вставал. Не вставал, чтобы помочь ей. Помочь своей любимой верной жене... Я наблюдал, как этот мужик приподнимает груди моей жены своими большими лапами, потом лижет их языком и нагло смачно громко сосёт её соски до бардовой красноты, где раньше были только розовые круги.

Мужик снизу начал вылезать из под стола, я увидел, как он держит смятые белые трусы моей жены. Нюхает их всей своей мордой, сопит носом.

— Блять, я твоей манде вонючей всажу в пизду! — пообещал он.

Мои глаза мелькнули на мою зажатую нахальным мужиком жену. Она молила меня, отбиваясь кулачками:

— Они сняли с меня трусы... Почему ты там лежишь? Помоги...

Я раскрыл рот, слыша это, видя мокрые блестящие груди моей жены от слюней чужого мужика у которого она в полной власти на моих глазах. На глазах собственного мужа с которым прожила одиннадцать лет... Она не плакала, но увидев, как ко мне бросили её снятые трусы, а я только смял их в кулаке и ничего не предпринимаю — она горько разочаровано заревела от моего предательства к ней. Один мужик заржал, зализав её скорченное лицо, а второй начал спускать с себя ремень и штаны. У него уже крепко стоял между волосни. Он сказал:

— Давай эту тёлку сюда. Всажу ей.

Он отдрачивал свой хер, пока мою ревущую жену второй мужик насаживал на стол, раздвигал её ноги, потом опять сводил их с матерками, резко сдёргивал её юбку, бросал её в мою сторону и опять не раздвинул её ноги. Она уже не сопротивлялась и была расслабленной с пустыми разочарованными глазами, которые смотрели прямо в мои Я наблюдал контраст капроновых коричневых чулок выше колен, белых внутренних сторон раскинутых ляжек своей жены, и посреди них чёрный волосатый лобок.

— Давай, еби его блять, — показал мужик, который держал мою жену, раздвигая пальцами её розовую щёлку.

Второй стоял и сдавливал себе основание хуя, отчего тот краснел и темнел. Он делал это долго, внутри зверея от похоти и разглядывал приготовленную мою плачущую жену, которая смотрела то на меня — своего мужа-слабака, то на его здоровый бордовый член, который надулся от удушения. Он скоро будет в ней, это знали все в этом купе. Я тоже знал, что сейчас мою жену сделают чужой мне женщиной, которая больше не будет моей, а станет уже других. Ей будут играть, иметь, пользоваться на моих глазах... А я ничего не могу, я боюсь.

Я увидел, как елда этого мужика стала почти коричневой от накопленной крови, и он заревел, сразу прислонившись на мою вскричавшую жену.

— О, сука, ебу её! — похвастал он со злостью и наслаждением, проникая в мою жену. Его таз зверски резко вбивался в неё, подбрасывая её на крае стола до звона подстаканников и тарелок.

Он сношал мою жену! Он пользовался её низом, целиком вгоняя и скрипя зубами. Она отворачивалась от него и смотрела на меня сквозь слёзы разочарований. Второй держал её за волосы, смеялся и облизывался от ожидания своей очереди.

Мне было противно, больно, но я видел, как наглый мужик насилует мою жену, что у неё трясутся в разные стороны груди и это жгло меня изнутри, одновременно унизительно возбуждая зрелищем. Я должен был отвернуться, но я наблюдал и чувствовал, как у меня стоит в спортивных штанах. Они натянулись и мне было больно физически, помимо омерзения внутри. Рукой я сжимал трусы своей жены, в которую всаживал этот мужик.

Он делал это с моей женой долго, наверное, из-за того, что сначала сжимал свой хуй? Я не знал, а только смотрел, как двигает внутрь моей жены своим мокрым членом, пока не начал сжимать её болтавшиеся груди кулаками и не заорал:

— Вот тебе! Я кончаю в тебя, блять.

Он высунул из неё свой член. Он был покрыт его густой спермой как сгущённым молоком, которое вытекало длинными каплями из щели моей жены. Она замерла и посмотрела вниз себе. Она захныкала и жалостливо уставилась на меня. Я не знал, что сказать. Я лежал и у меня стоял всё сильнее.

— Дай я! Напялю её! — сказал второй.

Он скинул с себя штаны и семейные с нарисованными зелёными баксами, поменялся местами со вторым, но остановился.

— Пусть тебя теперь твой муж в пизду ебёт, — брезгливо бросил он и силой надавил на плечи моей податливой жены.

Она упала на колени слишком низко. Его рука потянула её за волосы выше и её заплаканное лицо с потёкшей тушью оказалось напротив его торчащего волосатого хуя.

— Соси, соска!

От испуга его крика моя жена попыталась обхватить губами его головку, но у неё это вышло неумело (она мне раньше не сосала, говоря, что не умеет и брезгует).

— Пизда в рот бери! — заорал он и двинул своим тазом так, что половина хуя пробила её раскрытые губы и упёрлась в оттопыренную щёку. Моя жена закашляла, но начала сосать, а эта мразь только ускорила её движения, руками направляя голову. Дёргая её за волосы, он пользовался ртом моей жены, совал туда уже целиком, в её глотку, за щёку, высовывал и мазал своим обслюнявленным елдаком по её губам, а потом опять вгонял резко и больно, от чего Ирка кашляла и стонала.

— Блять! Пробуй малафлю сука!

Он кончил гораздо быстрее, чем первый и разлил из своего хуя спермы на лицо моей жены густыми плевками и струями. Её щёки, нос,открытый рот поймал эти потёки, а с подбородка капало на грудь. Я посмотрел ей в перекошенный рот с размазанной губной помадой и увидел там белый язык, заляпанные зубы спермой другого мужика. Вот она и взяла в рот, вот её и забрали у меня и туда...

— Глотай, блядь, — сказал мужик.

Моя жена искривилась, но проглотила. А что не проглотила, то раздавили губы.

— Пошли? — спросил опять он, который налил в рот моей застывшей жене в унизительном положении на коленях с забрызганным лицом.

— У меня опять стоит! Давай, раскорячь эту суку! Держи её, я этой корове крашенной в жопу засажу, — позвал у которого торчал, как раньше, может ещё круче кверху.

Меня прожог стыд и зависть, что он «двустволка».

Они вдвоём на моих глазах начали поднимать мою жену, у которой ноги ослабли и бросили её на нижнюю полку раком. Я впервые видел мою супругу в таком унизительном постыдном

состоянии нагнутой с выставленным белым задом, с руками, которые нащупали покрывало и сжимают его в кулаках (на одном обручальное кольцо), зная, что нужно будет терпеть, что бесполезно просить помощи от мужа, который смотрит сверху и молчит. И плачет. Который боится помешать или просто что-то сказать наглым насильникам своей любимой жены. Она это понимала, поэтому уже даже не мычала, только крепче сжимала пальцы, рассчитывая только на себя.

Я увидел, как его рука залезла вниз к моей жене, потом собрала с её бёдер сперму и как он плюнул себе в полную ладошку. Второй сел рядом, чтобы помогать раздвигать большие ягодицы моей жены и оголять её постыдное отверстие с кудрявым пушком вокруг центра-звёздочки. Он облизал свой палец и всунул его туда.

— Сейчас тебя в жопу проебут!

— Дай я! Давай, визжи, пизда! — разрешил мужик и размазал полную ладошку своей спермы и слюней на её анальном отверстии. Следом он заслонил мне вид, и я только видел его волосатую жопу, которая начала вбиваться в дрожащий мягкий зад моей жены, которая очень громко стонала. Второй зажал ей рот и смеялся.

Я видел это зрелище. Я ненавидел себя, но у меня стоял. Я боялся, что сюда зайдут и увидят. Увидят не только так мерзко насилуемую мою жену, увидят её голой с лицом и волосами с набрызганной спермой, с довольным лысым мужиком с опущенным красным натёртым мокрым хуем, который раздвигает её для удобства второму, а меня! Меня — её мужа, который только смотрит и молчит. Смотрит, как забирают его законную жену! Забирают и её, и её заднюю девственность, после того как забрали её и рот!

Тот мужик который вставлял в зад моей жене хвалил:

— Сука, какая у тебя хорошая большая жопа, ебу тебя туда.

А она мычала. Я сделал радио ещё громче.

Он кончил громко, обозвав мою бедную жену поношенной крашенной блядью. Упал на неё и заводил руками по её сплющенным грудям на койке. Задышав и смеясь от выполнения своих животных инстинктов, он поднялся и начал одеваться. Второй тоже. Они натягивали свои штаны, но висящие хуи не засовывали. Порыскав они нашли полотенце и обтёрлись снизу.

— На! Тебе на память, муженёк! — заржал один и бросил мне это грязное полотенце.

Второй засунул руку под мою лежащую раком жену. Он достал оттуда все деньги их и наши и убрал их себе в карман. Потом он подошёл ко мне. Я боялся его. От него воняло его спермой, запахом пота моей использованной жены и как пахнет у неё между ног.

— Пять сотен, больше твоя сучка жирная не стоит, — сказал он и положил мне деньги.

Они ушли. Я лежал и всё смотрел на свою раздавленную жену. Она так и стояла раком. Не плакала, а из огромной красной дыры сзади (тоже уже не моей ни раньше и никогда в будущем) текли тёмные потёки мужской спермы. Я слез, хотел подойти, но она, услышав это, резко забралась на полку и закрылась с головой под покрывало. Я выключил свет, вернулся к себе. Я лежал там. Везде воняло запахом надругательством над моей женой и вылитой спермой. Я знал, что моя жена, которую взяли во все отверстия рядом под покрывалом. Я знал, что она меня ненавидит, как я себя сам, может больше? Мне было её жалко, жалко свою любимую красивую белокурую Ирку, с которой мы женаты столько лет, которая родила мне двоих детей... Я заплакал. Я придвинул её трусы в своей руке к носу и спустил штаны с трусами разом. Так я пытался себя утешить, но совсем быстро через несколько секунд я кончил, и стало ещё больнее и противнее лежать с мокрой рукой, без штанов, с

изнасилованной женой в одном купе и нюхать её трусы...

Утром мы сошли с поезда. Мы не разговаривали. Мы взяли наши вещи, сошли на перрон и дали поезду уехать. Следующий этим же маршрутом пришёл через два часа ожидания жены возле женского туалета, где она мыла голову и везде себя. Сначала мы покупали мыло в магазине, я смотрел на продавщицу и думал, что мы покупаем это мыло для того, чтобы моя жена подмылась от чужих мужиков, которые делали с ней, что хотят, как с последней шлюхой. А я только смотрел на них...

Когда колёса застучали по рельсам, я оставил свою жену одну. Она специально выбрала нам плацкартное место. Она знала, что я не смогу защитить её...

Покурив я вернулся к жене. Она увидела меня и громко сказала с болью в голосе и сразу засмеялась:

— А это мой муженёк вернулся! Он у меня не жадный! Спросите у него!

Я ушёл, чуть не плача.

У туалета была очередь. Один мужик зашёл, остался я и какой-то седой дед с мальчиком за руку. Этот старик спросил:

— С женой едите?

— Что?

— С женой? А дети где? Вот мы с внуками...

Я отвернулся, заплакав. Я знал, что еду с женой, но я не был мужем. Я не был её мужем. Уже нет. А только презрением в её глазах. В туалете я мог громко плакать, чувствуя свой крепкий стояк. Там я не сдержался и выбросил сперму в унитаз со своими плавающими окурками. Я знал, что эти две мрази надругались не только над телом моей жены, а над нашей семьёй. Я позволил это им сделать.

Я позволил это им сделать со своей женой, которая родила мне двух детей и никогда не изменяла...

До сих пор я живу с ней, со своей женой, которую на моих глазах выебли во все щели, а я позволил им это сделать от страха.

А что я мог? Вы бы тоже ничего не могли, а только как я смотрели, как вашу жену ебут во все щели и молчали. А что бы вы могли сделать с такими двумя здоровыми мужиками? Вы что Брюс Ли? Говорите что хотите, но я знаю правду и вы её знаете. Вы бы просто ждали пока они наиграются с вашей женой, пока не кончат в неё и отпустят. А потом позволят жить с ней опять, отпустят к детям и к мужу, но уже испорченной блядью в трёх местах.

И я живу со своей женой, которую сделали блядью на моих глазах. Она это тоже знает и живёт со мной. Об этом мы никогда не говорили, потому что ей стыдно и мне тоже. Мне стыдно за такую жену и за себя, а ей тоже побабски стыдно за себя и за такого мужа, как я. Вот так мы и живём после этого случая пять лет и четыре месяца. И будем ещё казаться в чужих глазах идеальной семейной парой с двумя детьми.

Она мне не изменяет. Я это знаю. Но знаю, если к ней опять начнут приставать, позарятся на её бабские прелести, то я дам её им. Я не смогу её защитить. Не смогу защитить свою красивую жену с длинными светлыми волосами и большой мягкой грудью. Они наиграются с моей женой как захотят и отпустят ко мне, и я дальше буду с ней жить, воспитывать детей, зарабатывать деньги и отдавать кредит за квартиру. Обязательно к ней пристанут. Это дело времени. Я со страхом жду этого. Ещё у меня стоит от этой мысли и я дрочу в руку, когда моя жена уснёт.

Я написал это всё, чтобы поддержать вас мужики, у которых тоже забирают красивых жён или обязательно будут забирать, когда вы женитесь на них, но на время только чтобы спускать в них и обратно отдавать вам везде испорченных. Это не трагедия. Пусть мы не можем защитить своих законных жён, но мы деньги в дом приносим, детей воспитываем и машину водим. Это только мы знаем, что позволяем пользоваться нашими жёнами, а для соседей у нас нормальные семьи. Берите пример с меня, если вашу жену сделали блядью на ваших глазах это не повод для развода. Развод для слабаков.